

[https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(1\)-62-81](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(1)-62-81)

Архитектура МЖК как наследие советского модернизма

Л. Э. Старостова

Управляющая компания «Импульс», Дилижан, Армения
l.starostova@impulse.am

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

молодёжный жилой комплекс
советский модернизм
архитектура
социальный эксперимент
наследие

АННОТАЦИЯ

В последние годы архитектура позднего модернизма (вторая половина XX века) привлекает к себе всё больше внимания. Однако её наследие по-прежнему недостаточно проговорено в научной и популярной литературе, многие постройки 1960–1980-х годов оказываются снесены до того, как получают историко-культурную экспертизу и защиту. Несмотря на ряд систематизирующих исследований, чаще в центр внимания исследователей попадает архитектура столиц. До сих пор недостаточно описана архитектура этого периода в региональных городах, особенно жилая застройка. К таким пограничным по статусу постройкам относятся жилые комплексы движения молодёжных жилых комплексов (МЖК), архитектура и планировочные решения которых стали выражением уникального сочетания модели организации строительства, социальной концепции соседского сообщества и авторских архитектурных решений в рамках заданной социальной программы для жилого комплекса. В основе концепции молодёжного жилого комплекса лежала идея самоуправляемого соседского сообщества, участники которого строят многоквартирные дома своими руками. Пик строительства МЖК пришелся на 1980-е годы, когда эстетика и принципы модернизма распространились по всему миру. В крупных МЖК архитектура стала проявлением социальной идеи молодёжного жилого комплекса. В Екатеринбурге был построен самый крупный МЖК в Советском Союзе, однако его архитектурное наследие недостаточно оценено властью. Статья концептуализирует архитектурное наследие движения молодёжных жилых комплексов как часть историко-культурного наследия по ряду критериев на примере архитектуры МЖК в Екатеринбурге, а также в Королёве и Зеленограде.

Для цитирования:

Старостова, Л. Э. (2023). Архитектура МЖК как наследие советского модернизма. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 3(1), 62–81. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(1\)-62-81](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(1)-62-81)

MZhK architecture as a legacy of Soviet modernism

Liudmila Starostova

Impulse management company, Dilijan, Armenia
l.starostova@impulse.am

KEYWORDS

youth residential complex
Soviet modernism
architecture
social experiment
heritage

ABSTRACT

In recent years, the architecture of late modernism (the second half of the 20th century) has attracted more and more attention. However, its legacy is still not sufficiently discussed in scientific and popular literature, many buildings of the 1960–80s are demolished before they receive historical and cultural expertise and protection. Despite a number of systematizing studies, the architecture of capitals gets more often in the center of attention of researchers. Until now, the architecture of this period in regional cities, especially residential buildings, has not been sufficiently described. Such buildings bordering in status include residential complexes of the movement of youth residential complexes (in Russian – Molodeznyi zhiloy kompleks – MZhK), the architecture and planning solutions of which have become an expression of a unique combination of a construction organization model, a social concept of the neighboring community and author’s architectural solutions within the framework of a given social program for a residential complex. The concept of the youth residential complex was based on the idea of a self-governing neighborhood community, whose members build many apartments houses with their own hands. The peak of construction of the MZhK came in the 1980s, when the aesthetics and principles of modernism spread throughout the world. In large MZhK, architecture has become a manifestation of the social idea of a youth residential complex. The largest MZhK in the Soviet Union was built in Yekaterinburg, but its architectural heritage is not sufficiently appreciated by Authorities. The article conceptualizes the architectural heritage of the movement of youth residential complexes as part of the historical and cultural heritage according to a number of criteria on the example of the architecture of the MZhK in Yekaterinburg, as well as the cities of Korolev and Zelenograd.

For citation:

Starostova, L. E. (2023). MZhK architecture as a legacy of Soviet modernism. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(1), 62–81. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(1\)-62-81](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(1)-62-81)

Введение

Модернизм в архитектуре принято считать интернациональным стилем, а его признаки сформулировали ещё в 1932 году архитектор Филипп Джонсон и критик Рассел Хичкок: создание архитектурного объёма, а не массы, предпочтение баланса вместо симметрии и отказ от классических декоративных элементов (Hitchcock & Johnson, 1997). В этом смысле архитектура раннего советского авангарда является ветвью мирового движения за новую архитектуру. Но в отличие от западных модернистских течений модернизм в СССР пережил период гонений, был вытеснен из архитектурной практики на 20 лет принципами классической архитектуры и начал возвращаться в повестку лишь после объявления Никитой Хрущёвым борьбы с «излишествами в архитектуре». Поэтому понятие «советский модернизм» применительно к архитектуре описывает совокупность течений в архитектуре СССР в период с 1955 по конец 1980-х годов. Постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 года объявило курс на массовое строительство экономичного жилья, а в советскую архитектуру стали возвращаться принципы и формы, которые мы часто находим в раннем советском авангарде – функциональное обоснование любого архитектурного элемента и, как следствие, лишённые мелкого декора фасады и интерьеры, тяга к простым геометрическим формам, равнодушие к симметричной композиции в пользу оптимизации пользовательских процессов. Советские архитекторы, ещё за 20 лет до этого вынужденные оторваться от архитектурного авангарда, снова обратились к нему в поисках экономических решений. Правда, во второй половине XX века в распоряжении строителей появились новые технологии и материалы, что неизбежно повлияло и на архитектурные проекты. В жилищное строительство пришло типовое домостроение.

Помимо обращения к работам советских архитекторов-авангардистов архитекторы Оттепели получили возможность знакомиться с зарубежными архитектурными журналами, посещать страны, где модернистские проекты стали частью городской среды. «Отчасти из Америки и Европы через ставшие в это время доступными и сразу популярными архитектурные журналы вроде легендарного “Архитектур де журди”, отчасти – через страны “соцблока” вроде прибалтийский республик, Польши, Венгрии или Кубы, куда значительное число советских зодчих “оттепели” получили возможность поехать в командировку или даже в отпуск, эстетика модернизма проникала в советскую архитектурную среду, трансформировалась, признавалась постепенно “своей, советской”, но всё же оставалась узнаваемой в своих основных чертах» (Казакова, 2014, с. 60).

На стыке этих процессов – реинкарнации раннего советского авангарда и освоения новых строительных технологий и актуальных зарубежных трендов – формировалось своеобразное явление советской архитектуры второй половины XX века под общим названием «советский модернизм». Сегодня в городской среде он узнаваем геометричными, порой brutальными, объёмами, плоскими фасадами и витражными окнами, наличием монументальных барельефов, мозаик и скульптур в экстерьере и интерьере зданий. В области жилищного строительства появились серии типовых домов, из которых комбинировались ансамбли жилых микрорайонов, в которых также можно найти индивидуализирующие приёмы – через дизайн типовых панелей или суперграфику на фасадах домов.

В последнее десятилетие вышло немало книг о наследии советского модернизма Москвы, Санкт-Петербурга, Алма-Аты, Еревана, Екатеринбургa и других городов (Ritter et al., 2012; Броницкая & Малинин, 2016; Бальян, 2012). В них представлен широкий ряд построек как общественного, так и жилого назначения. Степень яркости архитектурного решения может варьироваться от крайне неординарной до типологической для стиля как такового. Однако по-прежнему актуальна проблема выявления и сохранения построек советского модернизма, поскольку многие из них не то что не имеют охранного статуса, но и практически невидимы в публичном поле. Речь идёт не только о сносе, но и о реконструкции или ремонте, приводящих к необратимому разрушению исходных форм, фасадов и интерьеров таких зданий. Одной из таких проблемных зон является архитектурное наследие движения МЖК – молодёжных жилых комплексов, в ряде случаев проявившееся в своеобразных архитектурных решениях. В исследовательской литературе наследие МЖК, как правило, описывается как история социального эксперимента (Горлов & Левчик, 2021; Ешанов, 2021), впрочем, как и в текстах самих мжковцев (Ефремов и др., 1986). Между тем, самые выдающиеся МЖК оставили после себя неординарное градостроительное наследие, ценность которого заключается как в авторской архитектуре, так и в её связи с социальным проектированием.

Экономические предпосылки и концепция МЖК

Движение МЖК зародилось в позднем СССР в подмосковном городе Калининграде (ныне – Королёв) в конце 1960-х годов и, прогремев на весь Советский Союз как успешный социальный и жилищный эксперимент, распространилось к концу 1980-х годов на всю страну. Несмотря на первенство подмосковного Калининграда, наиболее значительным проявлением движения как с архитектурной, так и с социальной точки зрения стал свердловский (Свердловском с 1924 по 1991 год назывался Екатеринбург) МЖК, первый дом которого был сдан в 1981 году. Суть идеи заключалась в том, чтобы решить для молодых семей жилищную проблему.

МЖК опирался на существовавшую в СССР модель финансирования и организации жилищного строительства в рамках плановой экономики. Согласно этой модели, средства на строительство жилья ежегодно выделялись крупным предприятиям, а те приглашали подрядчика – строительную организацию – для возведения многоквартирных домов, где квартиры получали в порядке очереди сотрудники предприятия. При этом часть квартир выделялась Горисполкому для распределения среди очередников из непромышленной сферы. Темпы жилищного строительства существенно отставали от темпов роста спроса на жильё, поэтому люди были вынуждены ожидать получения отдельной квартиры в многолетней очереди. Отставание темпов строительства жилых домов от спроса было вызвано малой эффективностью советской экономической модели: централизованное планирование и финансирование не позволяло направлять денежные потоки только эффективным структурам, строительные предприятия страдали от нехватки современной техники и рабочих рук.

Инициаторами МЖК стали молодые специалисты, пришедшие после окончания вуза работать на предприятия. Они предложили модель, при которой дефицит рабочих рук на стройке решался за счёт труда будущих жильцов (они на полгода или год выходили рабочими на стройку), таким образом строительный подрядчик

получал дешёвую и высокомотивированную рабочую силу и выполнял государственный план.

Для обеспечения поддержки МЖК со стороны руководящих органов – коммунистической партии и комсомола – мжковцы включили в финансово-строительную модель идеологическую составляющую – объявили МЖК социальным экспериментом, наследующим идее домов-коммун раннесоветской эпохи, и стали разрабатывать социальные программы развития соседского сообщества и проекты клубов для взрослых и детей. Важным компонентом МЖК была идея самоуправления: постоянным органом управления комплекса был Совет МЖК, избиравшийся на общих собраниях, а все вопросы жизни решались демократическим путем: «Высшим органом управления коллектива МЖК является общее собрание (конференция) его членов, которое избирает совет и ревизионную комиссию МЖК (Положение, 1987, с. 12). Убедительным свидетельством модели самоуправления стало проектирование и строительство в самых крупных МЖК отдельного здания для Оргкомитета (Совета) МЖК. Экономическая модель МЖК плохо стыковалась с регламентами плановой экономики, поэтому проблемы выделения ресурсов зачастую решались за счёт личных связей. По сути МЖК были разновидностью предприятий теневой экономики, поскольку тоже развивались за счёт недоосвоенных в плановом секторе ресурсов.

Формирование сообщества МЖК опиралось на механизмы здоровой конкуренции и распределения благ на основании личных заслуг. Желающих вступить в МЖК было больше, чем квартир в строящихся домах. Поэтому оргкомитеты МЖК разрабатывали системы конкурентной оценки заслуг кандидатов. В строительный отряд МЖК можно было попасть через участие в социалистическом соревновании – сложная система расчёта баллов учитывала участие в субботниках, общественную работу и другие заслуги кандидатов. Выдержать соревнование мог не каждый: требовалась большая работоспособность и целеустремлённость. Поэтому в МЖК попадала самая активная молодёжь, так обеспечивалась положительная селекция в сообщество мжковцев. Конкуренция не прекращалась и в процессе работы на стройке: на основе трудового рейтинга бойцов строительных отрядов (как их называли) происходил выбор этажа своей квартиры. Некоторые мжковцы получали квартиры за ведение клубов для взрослых и детей. Во всех сферах жизни в МЖК поощрялся дух творчества и инициативы.

В эпоху перестройки вышли официальные постановления, легитимирующие МЖК; на фоне общей демократизации в стране движение получило мощный импульс и продолжало втягивать в себя наиболее активную молодёжь. Участникам движения сегодня примерно 60 лет, и они говорят о нём как о лучшем периоде своей жизни, используя такие слова как «вместе», «дружба», «праздник», «всё для детей» и т. п. Для многих МЖК стал школой инициативы, пригодившейся им в период экономических реформ, когда умение приспособливаться к изменениям и активная позиция помогали не только выживать, но и добиваться успеха. Для лидеров движения МЖК этот опыт стал стартом в карьере, воспитав первые навыки свободной конкуренции и управления.

Но есть и другая сторона МЖК – теневая природа экономической модели, двусмысленность ценностей и символов, ведь советские пропагандистские лозунги («создание коммунистического общества») в МЖК по сути упаковывали социальную модель, построенную на презумпции частной инициативы, которая

заслуживает отдельного рассмотрения, но выходит за рамки данной статьи (см.: Старостова, 2021).

Поскольку модель МЖК основывалась на советской экономической системе, она исчезла вместе с её разрушением в начале 1990-х годов, когда государство перестало выделять средства на строительство жилья приватизируемыми предприятиями. Сообщества построенных МЖК постепенно распадались: жители переезжали или сосредотачивались на личном выживании, в стране воцарился дух индивидуализма. Концепция самоуправления провалилась – в России советы были упразднены в 1993 году, это коснулось и советов МЖК. Часть мжковских лидеров ушла в политику и бизнес, а строительство домов, если и продолжалось, то уже на коммерческой основе через вновь созданные строительные компании и без социально-культурной инфраструктуры.

Предпосылки архитектуры МЖК

В конце 1980-х годов на территории СССР строились или действовали несколько сотен МЖК, но далеко не все они были МЖК по сути, то есть имели признаки социального эксперимента. Большинство МЖК стали способом решения жилищной проблемы за счёт привлечения рабочей силы от будущих жильцов, там не было социальной программы, а жилые комплексы строились по ordinary проектам. Однако существуют МЖК, которые заслуживают того, чтобы получить охранный статус как памятник историко-культурного значения и даже архитектуры.

Естественно, возникает вопрос: если МЖК – это жилые комплексы эпохи индустриального типового домостроения, по сути, типовые микрорайоны, почему они заслуживают коммеморации и сохранения? Дело в том, что некоторые МЖК получили цельное и своеобразное авторское архитектурное решение за счёт двух факторов: а) социальной программы, требовавшей для своей реализации специальных построек, и б) возможности для молодых архитекторов-мжковцев творчески выразить себя в разработке генерального плана МЖК и проектов общественных зданий под задачи социального эксперимента. Так же, как строители домов получали квартиры вне очереди за работу на стройке, архитектор МЖК получал квартиру за свой проект. И если по отношению к многоквартирным домам архитекторы МЖК чаще всего просто привязывали типовые проекты домов (например, дома 141 серии) к выделенному под строительство участку, то проекты зданий для общественных нужд – оргкомитета, клубов, поликлиники, детского сада, магазина – могли получить авторское решение.

В СССР начинающий архитектор едва ли мог рассчитывать на заказ авторского проекта. Но МЖК с их развернутой социальной программой, множеством клубов, экспериментальной педагогикой формировали запрос на архитектуру с эффектом социального программирования. Сама структура жилого комплекса – благоустройство, оформление фасадов домов, масштабирование и организация дворов, улиц, бульваров и даже площадей внутри комплекса – должна была служить гуманизации среды и созданию условий для общения людей на разных уровнях. Поэтому для архитекторов в профессиональном плане МЖК представляли собой как вызов, так и возможность проявить свои таланты.

У разных аспектов МЖК есть непосредственные исторические предшественники и частичные аналоги. Идея строить дома с применением труда работников предприятия пришла из популярной в конце 1950-х годов модели самостроя, идея создания с помощью архитектуры условий для оптимизации бытовых процессов и формирования сообщества единомышленников восходила к советскому авангарду (дома-коммуны 1920-х годов), а соревновательный принцип стимулирования труда протянул нить к МЖК от стахановского движения 1930-х через движение строительных студенческих отрядов.

Появление МЖК опиралось и на архитектурные поиски оптимальной модели многоквартирного жилья 1960–70-х годов. В послевоенное время проблема дефицита комфортабельного жилья стояла как в СССР, так и в Европе. Как раз тогда Ле Корбюзье разработал проекты так называемых «жилых единиц» – массового социального жилья – для Марселя и Берлина, которые затем с вариациями тиражировались по всей Европе. Архитектор Андре Люрса в те же годы спроектировал для Сен-Дени многоквартирные дома с интегрированным стандартным оборудованием и социальной инфраструктурой, куда входили больница, детский сад, школа и кинотеатр.

В СССР после смерти Сталина в архитектуру снова вернулись функционализм и экономия. На смену помпезной архитектуре так называемого «сталинского ампира» пришла типизация и унификация, зато объём возводимого жилья в стране вырос с 1956 по 1960 год в два раза: с 41 млн м² до 82 млн м² (Огородникова, 2018).

Начало эры индустриального домостроения (сбор дома на строительной площадке из заводских деталей – железобетонных блоков и плит) вкупе с ростом темпов строительства, казалось бы, не давали возможности строить жилые комплексы с индивидуальным лицом. Однако и здесь поиски оптимальной градостроительной модели приводили к появлению целых микрорайонов с неповторимым обликом. К ним можно отнести 9-й микрорайон Новых Черемушек в Москве (арх. Н. Остерман, Г. Павлов, В. Свирский, С. Ляшенко и др., 1956–1959), где апробировались новые типы многоквартирных дешёвых домов, а также зонирование дворов, благоустройство, распределение в микрорайоне жилых и общественных зданий. Микрорайон должен был удовлетворять практически все потребности своих жителей.

Ещё одним значимым проектом с концепцией обобществления ряда бытовых функций стал так называемый Дом нового быта в Москве (ил. 1) по проекту группы архитекторов во главе с Н. Остерманом (арх. А. Петрушкова, И. Канаева, Г. Константиновский, Г. Карлсен, 1965–1971). Работая над проектом, архитекторы привлекали социологов и потенциальных жителей. В итоге в Москве вырос комплекс из двух 16-этажных домов, связанных переходом с обобществлённой инфраструктурой. В квартирах сразу имелись мебель и оборудование, по мысли авторов, опережающие потребности жильцов, но отсутствовали полноценные кухни, зато в общих зонах находились столовые-гостиные и «догоотовочные». В обобществлённой перемышке между корпусами должны были располагаться кухня, столовая, зимний сад, спортзал, музыкальный салон, бассейн, клубные помещения, детский центр, медицинский центр, гостиница, хозблок, кино-лаборатория и радио-теле-студия, читальные залы, бильярдная с баром и буфетом. Экспериментальный замысел состоялся лишь частично, а сегодня здания комплекса занимает общежитие МГУ. Но именно этот проект стал архитектурным прототипом первого МЖК.

Ил. 1. Дом нового быта. Москва, 1965–1971.
Архитекторы: Н. Остерман, А. Петрушкова, И. Канаева, Г. Константиновский, Г. Карлсен.
Фото: Д. Есаков, 2015.

Ил. 2. Дома МЖК г. Калининграда (ныне г. Королёв). Фото автора, 2021.

Архитектура МЖК как отражение социальной модели соседского сообщества

Как сказано выше, архитектура МЖК отличается высокой долей общественных помещений в жилом комплексе, поскольку этого требует социальная программа. Организаторы первого МЖК (г. Королёв Московской области) взяли в качестве образца Дом нового быта с его идеей обобществления бытовых и досуговых функций. Правда, усвоив его уроки, они запроектировали квартиры с кухнями, но предусмотрели общественные зоны в так называемых «корешках» домов-книжек (ил. 2). В итоге удалось построить три дома, причём в каждом последующем объём общественных помещений возрастал с учётом опыта жизни предыдущего дома. Но в целом дома первого МЖК в стране были вторичны по архитектурному проекту.

Зато организаторы МЖК в Свердловске (ныне Екатеринбург) пошли куда дальше, замахнувшись на огромный жилой комплекс и предложив тщательно обоснованную концепцию социального эксперимента. В итоге в Екатеринбурге движение МЖК оставило после себя заметное градостроительное наследие – жилой комплекс МЖК-1 с авторской архитектурой общественных зданий, муралами на фасадах многоквартирных домов, открытым амфитеатром, сохранившимися каменными элементами авторского благоустройства жилых домов.

Инициатором и лидером МЖК-1 в Свердловске, а после – и всего движения МЖК, стал преподаватель Уральского политехнического института физик Евгений Королёв. Возглавляемый им Оргкомитет МЖК после отказа архитекторов Свердловскгражданпроекта бесплатно выполнить проект комплекса обратился в Свердловский архитектурный институт, где и нашёл будущих исполнителей проекта самого крупного МЖК СССР. В 1978 году сформировалась группа архитекторов во главе с А. Барабановым (в неё входили Г. Багрунова, В. Баранцев, С. Бойцов, В. Вершинин, С. Ермолаев, А. Иванов, П. Казаков, В. Красулина, С. Лыжин, М. Матвеев, Л. Соловьёв).

Особенности работы над проектом МЖК отражены в пояснительной записке к проекту: «Молодёжный жилой комплекс – это не только социальный, но и архитектурный эксперимент, суть которого заключается в том, что на основе обычного, типового жилища создаётся необычная архитектурно-художественная среда, отвечающая самым современным требованиям. <...> Новизна, острота и необычность архитектурных форм – как отражение многообразия и динамичности социальной жизни молодёжи»¹. В этой цитате хорошо проявлена связь между социальным проектированием и архитектурой жилого комплекса.

МЖК строился более 10 лет, его строительство было оборвано прекращением финансирования в момент краха советской системы. Кроме того, в 1993 году были упразднены Советы, а с ними и органы самоуправления МЖК. Хотя МЖК-1 представляет собой развитый жилой комплекс, в нём оказались нереализованными масштабный проект инновационной школы, бульвар-река, связывающий пространства МЖК, ряд жилых домов. Но то, что успели построить, производит незабываемое впечатление.

¹ Барабанов, А. А. и др. (1979). Пояснительная записка к эскизному проекту молодёжного жилого комплекса в Свердловске. Неопубликованный текст. С. 16. Архив Е. Бухаровой.

Пожалуй, на итоговый проект МЖК-1 повлияло не только социально-ориентированное техзадание, но и атмосфера творчества, царившая в мастерской, куда официально прикрепили молодых архитекторов: «Нас посадили в Свердловск-гражданпроект, и мы были автономны. <...> Везде в Гражданпроекте строгая дисциплина – прийти по звонку, а у нас музыка постоянно. И народ всё время там собирался непонятный, и относились к нам не очень хорошо. А у нас был потенциал, мы участвовали в конкурсах, выигрывали. Мы работали самоотверженно. Всё это было и живо, и интересно. <...> Самое удивительное, что нам всё позволяли...»².

Архитекторы МЖК должны были справиться со сложной задачей сочетания типовых многоквартирных домов с авторской архитектурой общественных зданий и пространственной композицией жилого комплекса. На ил. 3 показана привязка к многоквартирному дому здания общественного назначения. Панельное жилое здание – типовое, но его фасады украшает цветная графика. А пристройка выполнена по авторскому проекту, и её облик – плоские фасады, геометризованные объёмы, витражное окно – несёт на себе стилевые признаки модернизма.

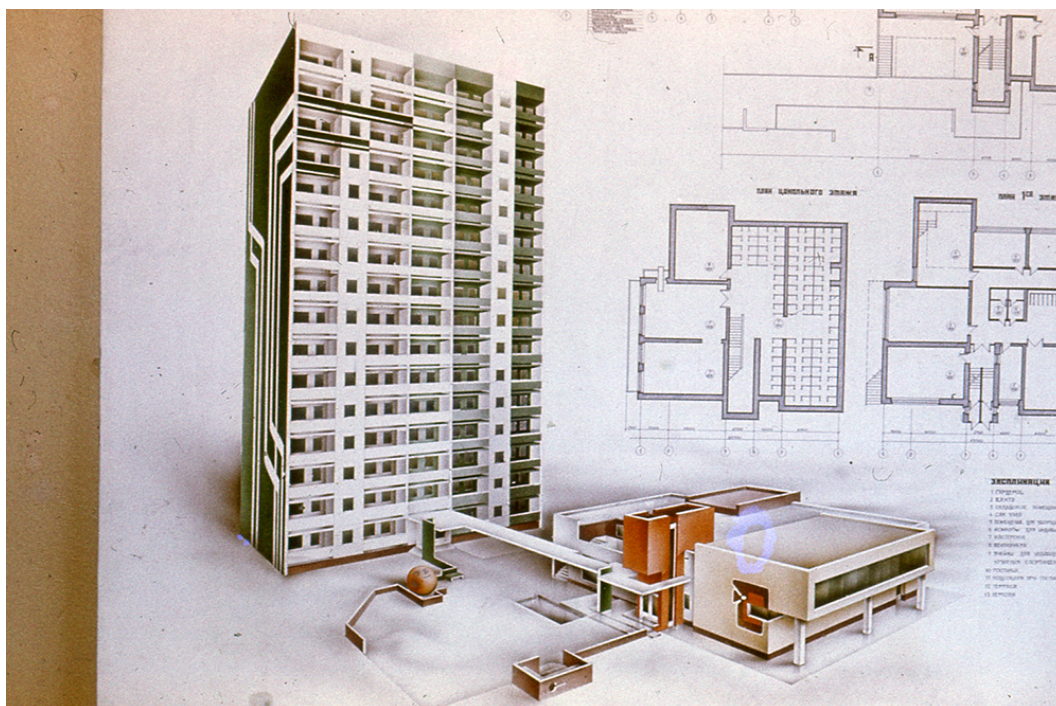
При взгляде на макет жилого комплекса (ил. 4) обращает на себя внимание здание молодёжно-культурного центра и бульвар-река, как его называют мжковцы, призванный объединить в единый организм жилой комплекс.

«Думая о функционировании “организма МЖК”, архитекторы проектировали “сердце” МЖК в виде Молодёжного центра. Одно из самых ярких решений этого центра – вариант с вантовыми растяжками и своеобразным асимметрично расположенным “крылом”-тентом (арх. С. Ермолаев). По стилистическому решению этот проект был близок футуристическим экспериментам английской группы “Архигрем” и проектам Бакминстера Фуллера, отчасти напоминая набравший популярность в 1970–1980-е гг. стиль хай-тек» (Бухарова, 2021, с. 56).

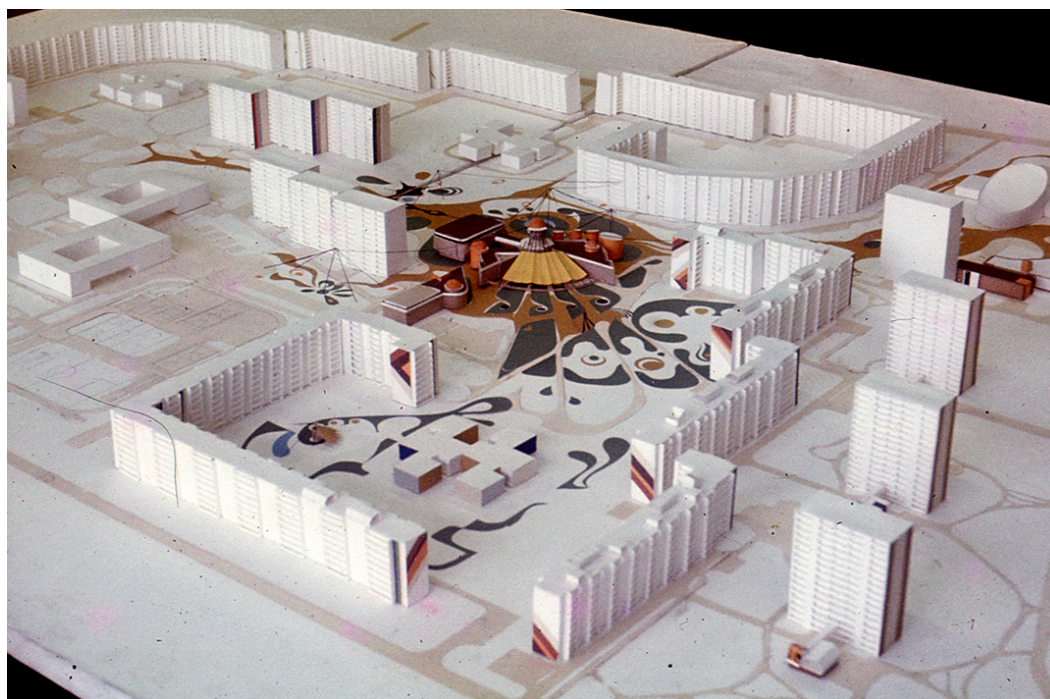
Обе постройки – общественный блок и молодёжный центр – так и не состоялись, но зато в процессе строительства архитекторы нашли удачное решение для использования отвалов скального грунта, образовывавшихся от рытья котлованов под фундаменты. В МЖК появился открытый амфитеатр, или форум (ил. 5). Как показало время, он полностью соответствовал социальной программе МЖК – здесь проводились КВНы, всесоюзные фестивали МЖК, праздники и встречи. Когда-то форум дополняли деревянные конструкции – мосты-переходы между каменными башнями. Сегодня они утрачены, но форум и сегодня служит местом встреч местного сообщества и памяти о молодёжном движении.

Общественные здания – физкультурно-оздоровительный центр, Клуб МЖК, поликлиника, образовательный центр «Уралец», Станция детского технического творчества (ил. 6), Оргкомитет – построены по индивидуальным проектам и несут на себе узнаваемые признаки модернизма – архитекторы умело работали с пропорциями геометрических объёмов, придавали индивидуальность практически каждому дому.

² Интервью с С. П. Ермолаевым, участником проектной группы МЖК-1, 2019.

Ил. 3. Проект 16-этажного жилого дома с общественным блоком для МЖК-1, 1979.
 Архитекторы: А. Барабанов, В. Баранцев, С. Ермолаев, А. Иванов, Л. Соловьёв, М. Матвеев и др.
 Архив А. Барабанова и Е. Бухаровой.

Ил. 4. Макет микрорайона МЖК-1 в Свердловске.
 Вариант со зданием молодёжного центра, 1980-е.
 Фото: А. Барабанов. Архив А. Барабанова и Е. Бухаровой.

Ил. 5. Амфитеатр МЖК-1, 1990-е. Фото: В. Кораблёв, 1990-е.
Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина.

Ил. 6. Здание Станции детского технического творчества в МЖК-1, 1980-е.
Фото: В. Кораблёв. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина.

Хотя многие из общественных зданий МЖК пережили ремонт фасадов, противоречащий изначальному замыслу, их объёмы остались без изменений. Исключение составляет здание Оргкомитета (его проект зеркально отражал проект Станции детского технического творчества), перешедшее в частные руки в период массовой приватизации и сдаваемое по частям в аренду. Здание преобразилось до неузнаваемости: сегодня его фасады демонстрируют последствия индивидуалистского отношения пользователей к контролируемым ими зонам без интереса к целостности облика здания.

Особое внимание архитекторы МЖК-1 уделили детским площадкам. Исходным принципом их разработки стало стремление сформировать для детей развивающую среду: игровое пространство должно было пробуждать воображение и становиться основой для развития самых разнообразных игровых сценариев. Хотя сохранившиеся фотографии макетов (ил. 7) свидетельствуют о том, что не всё задуманное удалось воплотить, в той или иной форме идеи нашли выражение в инфраструктуре комплекса. Это и лабиринт, и каменная крепость-корабль (ил. 8) – как её трактовать, зависит исключительно от задач пользователей.

Одним из ключевых инструментов создания среды комплекса стал цвет. Архитекторы рассматривали его как средство организации пространственной и художественной среды жилого комплекса: «Колорит МЖК должен возбуждать образы: необычайность расцвета, безоблачность, чудо цветения природы, праздник созидания и т. п.»³. Плоские и монотонные фасады панельных домов предлагалось украшать не только цветом, но и графическими мотивами (ил. 9), словно «ломающими» решетку панелей. И это решение по-прежнему остаётся частью визуальной среды МЖК: «Объёмы жилых домов связываются в единый цельный “мотив”, “мелодия” которого строится на применении графов одного характера на ризалитах. Для исключения монотонности и однообразия сохраняется только характер графов, а вид каждого, точнее, типы графов различаются, тем самым вносится некоторый “иррациональный”, живописный сложного, богатого ритма момент»⁴.

Вот как характеризует постройки в МЖК-1 искусствовед и дочь руководителя группы архитекторов МЖК-1 в Свердловске Е. Бухарова: «Несмотря на то, что они во многом оказываются вторичны по отношению к мировому художественному процессу (так как проявляют тенденции, свойственные зарубежной архитектуре, но с отставанием иногда на десятилетия), они являют собой пример редкого для СССР эксперимента с архитектурной формой» (Бухарова, 2021, с. 51).

Проект МЖК-1 был презентован на Всемирной биеннале «ИНТЕРАРХ 83» в Софии (Болгария) в 1983 году; в 1984 году он получил бронзовую медаль Международного архитектурного смотра в г. Брно (Чехословакия), в 1985 году – премию Ленинского комсомола.

³ Барабанов, А. А. и др. (1979). Пояснительная записка к эскизному проекту молодёжного жилого комплекса в Свердловске. Неопубликованный текст. С. 30. Архив Е. Бухаровой.

⁴ Там же. С. 32.

Ил. 7. Макет детской площадки в МЖК-1, 1978–1982.
Архитектор А. Барабанов, дизайнер С. Бойцов и студенты
Свердловского архитектурного института.
Архив А. Барабанова и Е. Бухаровой.

Ил. 8. Крепость-корабль во дворе МЖК-1. Фото: А. Марченкова, 2020.

Ил. 9. Суперграфика, объединяющая в единую композицию фасады трёх жилых домов, 1980-е.
 Фото: А. Барабанов. Архив А. Барабанова и Е. Бухаровой.

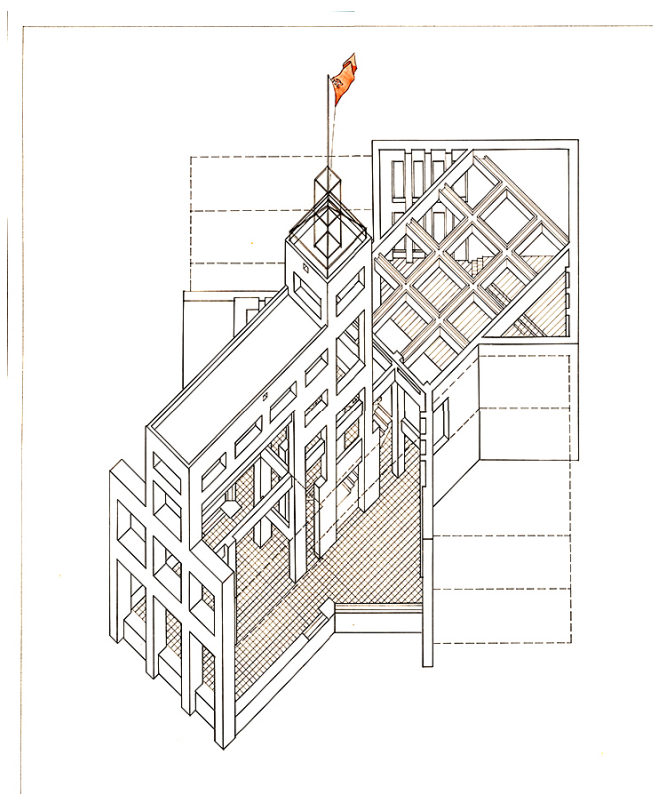
Архитектура МЖК на обрыве времён

О том, что социальная и организационная модель МЖК стимулировала разработку авторских архитектурных инициатив, свидетельствует проект ещё одного МЖК в Свердловске – МЖК-4. Его организаторами стали люди, уже имевшие опыт работы в МЖК-1. В 1986 году был проведён семинар по рассмотрению конкурсных проектов жилого комплекса. В семинаре участвовали команды из разных городов, но победил проект молодых свердловских архитекторов. И снова МЖК дал шанс начинающему специалисту проявить себя: «Что это было для архитекторов? Попытка и шанс стать архитекторами. Мы были выпускниками, молодыми, неопытными, никто нам не обещал какого-то места, вообще перспективы были одинаково туманны у всех...»⁵. Основой победившего проекта была идея создания условий для общения людей на разных уровнях: всего сообщества, двора, лидеров (ил. 10). Но если в МЖК-1 социальный эксперимент состоялся в полной мере, то в МЖК-4 многое осталось на уровне замысла. И неудивительно, ведь строительство этого МЖК началось только в 1987 году – за 5 лет до перехода к рыночной экономике.

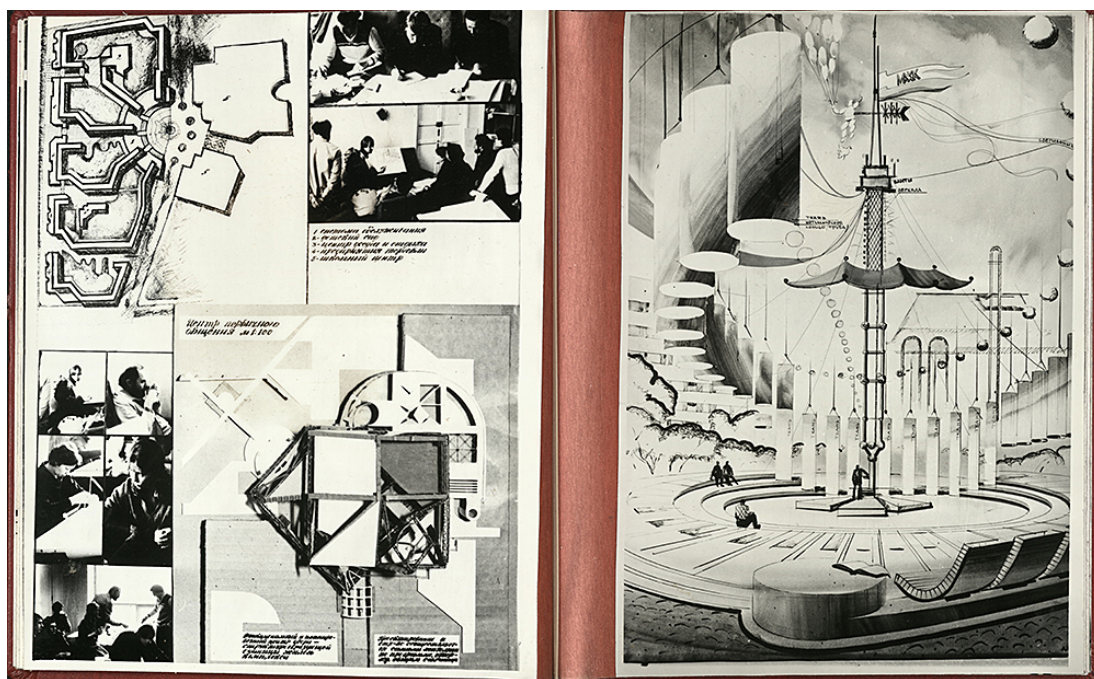
МЖК-4 имел очень разностороннюю социальную программу – от бытового обслуживания до экологии. В техзадании на архитектурный проект были сформулированы «принципы МЖК»: жильё как комфортная среда развития личности, коллективизм, самоуправление, соответствие архитектурно-пространственной среды потребностям человека⁶. В личном архиве члена Оргкомитета МЖК В. Засыпкина сохранился альбом (ил. 11) с избранными фрагментами конкурсных проектов – все они были вдохновлены идеей среды, стимулирующей общение.

⁵ Интервью с Е. О. Трубецковым, соавтором проекта МЖК-4 в Екатеринбурге, 2019.

⁶ Проектный семинар. 1986. Неопубликованный альбом. Архив В. Засыпкина.

Ил. 10. Рисунок здания Оргкомитета в МЖК-4 в исполнении А. Савченко, 1986.
Архитекторы: А. Савченко и Е. Трубецков. Архив А. Савченко.

Ил. 11. Разворот альбома «Проектный семинар-86», 1986.
Архив В. Засыпкина.

Идея победившего в конкурсе проекта звучит следующим образом: «Это была попытка встать в оппозицию индустриальному строительству – поставить сквозную аллею, связывающую 5 кварталов и площадь с клубом МЖК. МЖК воспринимался как единый коллектив. И мы – архитекторы – должны были организовать для него иерархию мест: это моя квартира, это мой подъезд, это мой дом, это мой двор, это мой комплекс. А для этого нужно было сделать забор из домов, чтобы внутри как шкатулочка была. И с первым домом это у нас получилось»⁷.

Кроме жилых домов в генеральном плане комплекса Савченко и Трубецкого были клуб, детские ясли-сад, бассейн, физкультурно-оздоровительный блок, кафе, универсам, магазин «Игрушки», огромный социально-педагогический комплекс. Однако крах системы социализма не позволил реализовать всю программу. Из намеченного в МЖК-4 успели построить лишь пять жилых домов, детсад и здание Совета МЖК – сегодня в нём расположен офис девелоперской компании. Далеко не каждый проходящий сюда человек сумеет увидеть здесь признаки бывшего МЖК. Бывшая площадь МЖК стала автостоянкой, на месте запланированного бульвара проходит обычная дорога, на месте общественных построек – офисные здания. Можно говорить о почти полном визуальном исчезновении МЖК-4 в среде спального района.

Ил. 12. Первые и последние дома МЖК «Зеленоград». Фото автора, 2021.

Убедительный пример смены эпох в архитектуре жилого комплекса являет МЖК подмосковного города Зеленограда (ил 12). Его начали строить в конце перестройки, и когда финансовая модель МЖК рухнула (в Зеленоградском МЖК это произошло в 1990 году, когда было ликвидировано Министерство электронной промышленности), на стройплощадке стояли шесть недостроенных домов. Хотя в большинстве МЖК страны такая ситуация приводила к неразрешимому кризису и окончанию проекта, в данном случае руководство нашло остроумное решение: принять недострой на баланс МЖК и привлечь средства на строительство на коммерческой

⁷ Интервью с Е. О. Трубецковым, соавтором проекта МЖК-4 в Екатеринбурге, 2019.

основе. Часть квартир в будущем МЖК была пущена в продажу за счёт освобождённого частью мжковцев старого жилого фонда. Лидер МЖК Александр Раптовский основал собственную строительную компанию, которая продолжила строить дома в жилом комплексе. Он по-прежнему называется МЖК, но его объединяет с исходной идеей только стремление лидера формировать сообщество из людей с близкими ценностями, что осуществлялось в начале уже нынешнего века за счёт продажи таким людям (по рекомендации жителей МЖК) квартир в новых домах по цене ниже рыночной.

Благодаря пост-мжковской истории проектирования и строительства в едином комплексе оказались соседствующими две архитектурные эпохи – советский модернизм и пришедший ему на смену так называемый «капиталистический романтизм». Строгости и лаконичности домов и бульвара первых зданий МЖК «Зеленоград» противостоит несколько вычурная эстетика современной части жилого комплекса. Тем заметнее выделяется архитектурное наследие МЖК как знак эпохи и социального феномена, запечатлённого в архитектуре.

Заключение

Четыре комплекса МЖК, рассмотренные в данной статье, иллюстрируют собой судьбу архитектурного наследия масштабного движения в позднем СССР. В тех случаях, когда социальная модель МЖК смогла максимально проявить себя в архитектуре жилого комплекса (МЖК-1 в Екатеринбурге), мы можем говорить о наследии с выраженными архитектурными проявлениями. Равного первому МЖК Свердловска по масштабу и целостности архитектурных решений молодёжного жилого комплекса нет. До сих пор здесь можно увидеть амфитеатр и суперграфику на фасадах жилых домов, уникальные здания поликлиники, общественных центров, благоустройство дворов (утрачены только деревянные элементы), скульптуру и барельеф, украшающие интерьеры общественных построек. Трактовка МЖК как историко-культурного явления в архитектуре, а не просто образца архитектурного стиля, может дать этому наследию дополнительный аргумент в получении охранного статуса. Комплекс МЖК-1 в Екатеринбурге может претендовать на признание его объектом историко-культурного значения по ряду критериев: историческая ценность (на основании исторических событий, вызвавших комплекс к жизни), градостроительная ценность (неординарная планировочная структура, наличие связанных пространственных композиций), архитектурная ценность (стилевые признаки советского модернизма, авторские решения), художественная ценность (цельность образа).

К сожалению, в тех случаях, когда сильная идея не получила законченного выражения в городской среде (МЖК г. Королёва, МЖК-4 в Екатеринбурге), сложно говорить о сугубо архитектурном наследии, но историко-культурное значение феномена (основание первого в стране МЖК в г. Королёве) может служить основанием для сохранения и коммеморации этого исторического опыта. История МЖК-4 в Екатеринбурге, скорее, останется скрытым в архитектуре явлением, хотя может служить ярким примером постсоветской эволюции микрорайона и соседского сообщества.

МЖК «Зеленоград» по-своему является уникальным проявлением трансформации социальной идеи МЖК в постсоветскую эпоху и отражения этого процесса в архитектуре.

Движение МЖК предложило альтернативную модель отношений человека и условий его проживания: в ней человек становился автором и заинтересованным участником жилого комплекса. Наследие МЖК в своём облике отражает идею молодёжного движения, встающего в ряд значимых процессов, расшатывавших советскую экономическую систему изнутри. Прагматика участников была выражена в советской идеологической риторике, их частный интерес был умело связан с идеей общего блага, а концепция самоуправления отражала демократические устремления позднесоветского общества. Этот сложный комплекс идей и действий, состоявшийся на излете советской эры, и вызвал к жизни архитектуру МЖК. Осмысление и память о ней обогащают образ того времени и вносят свой вклад в изучение проявления в городской архитектуре социальных движений на пересечении с идеологией и технологиями.

Библиография

- Бальян, К. (2012). *Артур Тарханян, Спартак Хачикян, Грачья Погосян*. Tatlin.
- Белоголовский, В., & Новиков, Ф. (2010). *Советский модернизм: 1955–1985*. Tatlin.
- Броновицкая, А. Ю., & Малинин, Н. С. (2016). *Москва: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель*. Garage.
- Бухарова, Е. (2021). Советский модернизм в архитектуре МЖК-1. В *МЖК-1980. Проект о Молодёжном жилом комплексе и других экспериментах обустройства коллективной жизни на Земле. Том 1: Статьи и эссе*. (с. 50–89). Альфа-Принт.
- Горлов, В. Н., & Левчик, Д. А. (2021). *Жилищное движение и жилищное самоуправление в СССР и России: от писем в ЦК до баррикад в Бутово*. Директ-Медиа.
- Ефремов, Б., Карелова, Г., Хорошилов, С., & Веницкий, А. (1986). *Этажи будущего*. Средне-Уральское книжное издательство.
- Ешанов, С. Н. (2021). *Острова МЖК. От мечты к реальности*. Золотое сечение.
- Казакова, О. В. (2014). Советский модернизм: второе пришествие. *Проект Байкал*, 11(39-40), 60–63.
- Огородникова, О. А. (2018). Массовое жилищное строительство в истории советской повседневности. *Universum: общественные науки*, 3(44), 6–9.
- Положение о молодёжном жилом комплексе. (1987). В *Сборник нормативных документов по строительству молодёжных жилых комплексов*. (с. 7–13). РИО Упрпролиграфиздата.
- Старостова, Л. (2021). МЖК: эволюция эксперимента. В *МЖК-1980. Проект о Молодёжном жилом комплексе и других экспериментах обустройства коллективной жизни на Земле. Том 1: Статьи и эссе*. (с. 90–137). Альфа-Принт.
- Hitchcock, H.-R., & Johnson, P. (1997). *The international style*. W. W. Norton & Company.
- Ritter, K., Shapiro-Obermair, E., Steiner, D., & Wachter, A. (2012). *Soviet Modernism 1955–1991. Unknown History*. Park books.

References

- Balyan, K. (2012). *Arthur Tarkhanyan, Spartak Khachikyan, Hrachya Pogosyan*. Tatlin. (In Russian).
- Belogolovsky, V., & Novikov, F. A. (2010). *Soviet modernism. 1955–1985*. Tatlin. (In Russian).
- Bronovitskaya, A. Yu., & Malinin, N. S. (2016). *Moscow: The architecture of Soviet modernism. 1955–1991. Handbook-guide*. Garage. (In Russian).
- Bukharova, E. (2021). Soviet modernism in the architecture of MZhK-1. In *MZhK-1980. A project about the Youth Residential Complex and other experiments in arranging collective life on Earth. Volume 1: Articles and Essays*. (pp. 50–89). Alpha-Print. (In Russian).
- Efremov, B., Karelova, G., Khoroshilov, S., & Vinitsky, A. (1986). *Floors of the future*. Middle Ural book publishing house. (In Russian).
- Eshanov, S. N. (2021). *MZhK islands. From dream to reality*. Golden Ratio. (In Russian).
- Gorlov, V. N., & Levchik, D. A. (2021). *Housing movement and housing self-government in the USSR and Russia: From letters to the Central Committee to the barricades in Butovo*. Direct Media. (In Russian).
- Hitchcock, H.-R., & Johnson, P. (1997). *The international style*. W. W. Norton & Company.
- Kazakova, O. V. (2014). The Soviet modernism: The second coming. *Project Baikal*, 11(39–40), 60–63. (In Russian).
- Ogorodnikova, O. A. (2018). Mass housing construction in Soviet history of routine. *Universum: Social Sciences*, 3(44), 6–9. (In Russian).
- Regulations on the youth residential complex. (1987). In *Collection of Regulatory Documents for the Construction of Youth Residential Complexes*. (pp. 7–13). RIO Uppoligrafizdata. (In Russian).
- Ritter, K., Shapiro-Obermair, E., Steiner, D., & Wachter, A. (2012). *Soviet Modernism 1955–1991. Unknown History*. Park books.
- Starostova, L. (2021). MZhK: The evolution of the experiment. In *MZhK-1980. A project about the Youth Residential Complex and other experiments in arranging collective life on Earth. Volume 1: Articles and Essays*. (pp. 90–137). Alpha-Print. (In Russian).

Информация об авторе

Людмила Эдуардовна Старостова
кандидат философских наук, доцент,
руководитель направления стратегического развития
Управляющая компания «Импульс»
Армения, 3905, Дилижан, ул. Калинина, 1/2
ORCID: 0009-0001-7499-7224
Web of Science ResearcherID: AFB-0928-2022
Scopus AuthorID: 56922072200
e-mail: l.starostova@impulse.am

Information about the author

Liudmila E. Starostova
Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor
Head of Strategic Development
Impulse management company
1/2, Kalinina St., Dilijan, 3905, Armenia
ORCID: 0009-0001-7499-7224
Web of Science ResearcherID: AFB-0928-2022
Scopus AuthorID: 56922072200
e-mail: l.starostova@impulse.am

Материал поступил в редакцию / Received 13.04.2023
Принят к публикации / Accepted 18.05.2023